

В МИРЕ ВСЁ ИДЁТ ПО КРУГУ...

С малой родины, из города Благовещенска, пришло печальное известие: ушёл из жизни Виктор Алюшин – может быть, самый проникновенный лирик Приамурья. И мой старый друг – так он написал на одной из подаренных мне книг, сборнике «Свет ковьяля».

Кажется, эти строки я знал всегда:

День хороший, и снег хороший:
Тёплый, пухлый, сквозной-сквозной,
Будто кто-то смешал с порошей
Дым очажный и летний зной.
Хлопья падают густо и прямо.
Свет дневной на селе померк.
Снег летит... А мне кажется, мама,
Что земля поднимается вверх.

Между тем я точно помню, когда впервые услышал это стихотворение – в марте 1966-го.

В феврале того года я, девятнадцатилетний, впервые пришёл на Амурское радио со своими виршами. Молодёжной редакцией тогда «командовал» Станислав Демидов – уже довольно известный в Приамурье поэт, литсотрудником был Игорь Игнатенко, недавно окончивший Благовещенский пединститут, тоже пишущий стихи. Мэтры (для меня они были таковыми) встретили приветливо и, к удивлению, «выдали» в эфир два моих стихотворения. Тогда же, а может быть, несколько позже, они пригласили меня на литературный вечер в педагогическое училище, что взволновало и встревожило: ведь мне впервые предстояло выступить перед читательской аудиторией.

Была и вторая причина тревоги: у меня не было, скажем так, приличной одежды. Но эту проблему я решил, одолев у приятеля вполне моднячий свитер. А стихи, которые выбрал для чтения, всё время повторял про себя, боясь забыть их, опозориться на людях.

На вечере мы сидели за столиком вчетвером: я, Станислав Демидов, Виктор Пинаев (работал на стройке, его стихи на рабочую тему, напечатанные в недавно вышедшем сборнике «Зори над Амуром»), произвели на меня сильное впечатление) и Виктор Алюшин. Тог-

да-то я и услышал впервые «День хороший, и снег хороший...»

Кстати, мои волнения по поводу одежды были напрасными. Только Демидов был в элегантном чёрном костюме с голубым галстуком. На Пинаеве же как-то нелепо сидел мятый пиджак, из-под которого торчала явно несвежая рубашка, а под ней – тельняшка. Просто был одет и Алюшин – так что в одолженном свитере я выглядел чуть ли не поэтичнее всех.

Виктор читал стихи негромко, даже робко. Но собравшиеся слушали внимательно, видимо, притягивала доверительная интонация его строк. Стихи были о маме, о родном селе, о детстве, выпавшем на войну... И я, может быть, впервые понял, что поэзией может стать всё, чем мы живём, каждое событие, каждое явление природы, только надо уметь об этом сказать и рассказать.

После знакомства мы ещё не раз встречались с Алюшиным на радио. Однажды (это было летом) он предложил поехать к нему. Недалеко от радиокомитета стоял старенький грузовик (Виктор тогда был шофёром), мы сели в него и покатали в сторону Игнатьевского шоссе, на окраину Благовещенска. Здесь располагалась метеостанция, на которой работали жена Алюшина Тамара и сестра Нина. Жили они в небольшом доме.

Не могу вспомнить, говорили ли мы тогда о поэзии и литературе, но стихи читали. Тогда же (возможно, это было в другой раз) Виктор рассказал о том, как он поступал в Литературный институт им. Горького, в частности, о знакомстве с поэтом Борисом Примеровым. Тот тоже поступал в институт, а может быть, уже учился. Виктор вспомнил, как однажды Борис, когда начался сильный дождь, выбежал во двор общежития и плясал в струях ливня. Рассказ запомнился, и когда в 1991 году в доме творчества писателей в подмосковной Малеевке я познакомился с Борисом Примеровым, к тому времени ставшим уже известным поэтом, то спросил у него: было ли такое? Борис улыбнулся, утвердительно кивнув головой.

Кстати, Примеров одно время жил в общежитии вместе с Николаем Рубцовым. Вполне возможно, что и Алюшин был знаком с ним. Но это только моё предположение.

А ещё та наша встреча в доме Алюшина запомнилась тем, что я, может быть, впервые ел жареные грибы. Виктор их насобирает тут же, на лужайке около метеостанции. Он говорил: «Это – шампиньоны. У нас их почему-то не любят, а во Франции они считаются деликатесом». Грибная жарёха была на самом деле очень вкусной.

Ещё больше мы сблизились с Алюшиным, когда я стал работать в редакции газеты «Амурский комсомолец», а он – на радио. Виктор вёл передачу «Солдатский час», с магнитофоном побывал на всех амурских погранзаставах, во многих воинских частях, где его знали, любили и уважали. Передача была очень популярна у радиослушателей. В её выпусках часто звучали стихи Алюшина и других амурских поэтов. Когда я приезжал в Благовещенск уже из Белгорода, он записывал меня и выдавал в эфир наши беседы.

В конце 60-х, в 70-е и начале 80-х годов мы часто встречались – на литературных вечерах, в редакциях, в журналистских поездках, нередко дома у Виктора и его сестры Нины. Мы были вместе на совещаниях-семинарах молодых литераторов в Хабаровске (1971) и Иркутске (1974). Порой мы как бы случайно находили друг друга и были вместе сутками, особенно в минуты «душевной невзгоды». Не сказать, чтобы безудержно бражничали, скорее, как писал Николай Рубцов, «белым, красным и зелёным мы поддерживали жизнь». Витя (так я его стал называть) был старше меня всего на семь лет, но эти годы пришлись на Великую Отечественную войну, а значит, шли в зачёт по двойному, если не тройному счёту. Как многие дети войны, он был оптимистом, никогда не жаловался на жизнь, а вот к литературным, так сказать, явлениям относился болезненно. Врождённый лирик, человек с чувствительной душой, он близко принимал несправедливости в амурском литературном «цехе», не умел, а скорее, не желал опережать и расталкивать других. Может быть, за скромность и неоспоримую талантливость его отмечал поэт Леонид Завальнюк, который часто приезжал в Благовещенск из Москвы, и заведующий Амурским отделением Хабаровского книжного издательства Марк Либерович Гофман, благодаря которому стихи Алюшина часто печатались в альманахе «Приамурье моё» («Приамурье»), вышли его сборники «Зелёный зной» (1973) и «Свет ковыля» (1985).

Имея две книжки, можно было подавать заявление на вступление в Союз писателей СССР. Членский билет тогда имел большой вес, его владелец получал определённый статус, а с ним и всяческие блага. Не ведаю, подавал ли Виктор заявление, «зарезали» ли его кандидатуру в Благовещенске или Москве, но членом тогдашнего Союза писателей он не стал. Это, естественно, отражалось на самолюбии поэта, хотя виду он не подавал. В 90-е годы Алюшина приняли в Союз российских писателей, но уже было другое время, и писательский статус, по сути, ничего не значил.

* * *

В конце 1969 года после многолетнего перерыва в Благовещенске увидел свет литературно-художественный

альманах «Приамурье моё». В нём была напечатана поэтическая подборка Виктора Алюшина (в сборнике дебютировал и я со стихами), есть в ней и стихотворение, которое цитируется в начале этого материала, правда, я его привожу по другой редакции – из сборника «Волшебное дерево» (Хабаровск, 1974).

В экземпляре «Приамурье моё», который у меня сохранился, восемь из десяти стихов моего друга помечены восклицательным знаком, значит, тогда они мне понравились. Но и сегодня, спустя сорок с лишним лет, нельзя некоторыми не восхититься, не перечитать ещё раз отдельные четверостишия и строки.

На свете есть много такого,
Что вечно мы держим в себе.
Волнует нас каждое слово,
Созвучное нашей судьбе.

* * *

Погода устоялась неплохая,
Блестит луна, похожая на шит.
И до весны, под снегом отдыхая,
Земля во сне суставами трещит.

* * *

А на взгорье, там, где прежде
Вьюга плакала навзрыд,
Первый крошечный подснежник
На одной ноге стоит.

Он – смельчак. Ему не страшно,
Что совсем невдалеке
Серебрится снег вчерашний,
Снег, не тающий в руке.

Естественная интонация, точные эпитеты, невычурные метафоры и, главное, внутренняя, скажем так, теплота – вот чем отличаются стихотворения Алюшина.

Перечитывая сегодня мои дальневосточные сборники «Вечные родники» и «Небо и поле», я нахожу в них явное влияние Алюшина – особенно в пристальном взгляде на природу, на соотношение её состояния с душой человека. Поэтому в первом из них есть стихотворение, посвящённое Виктору:

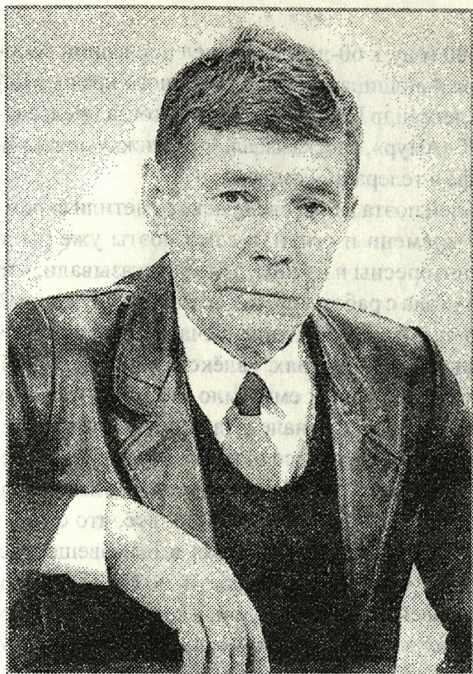
Какую власть имеют надо мной
Природы неприметные явления?
Вскрик дерева...
Я напрягаю зреньё:
Где рана среди зелени густой?

С реки пахнуло ветром дождевым, –
Спешу туда:
Быть может, на подходе
Осеннее большое половодье,
А я просплю, не повстречаюсь с ним.

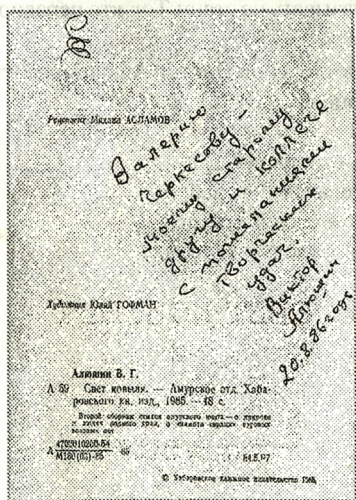
Как будто наваждение...

С разбега
На берег поднимаюсь.

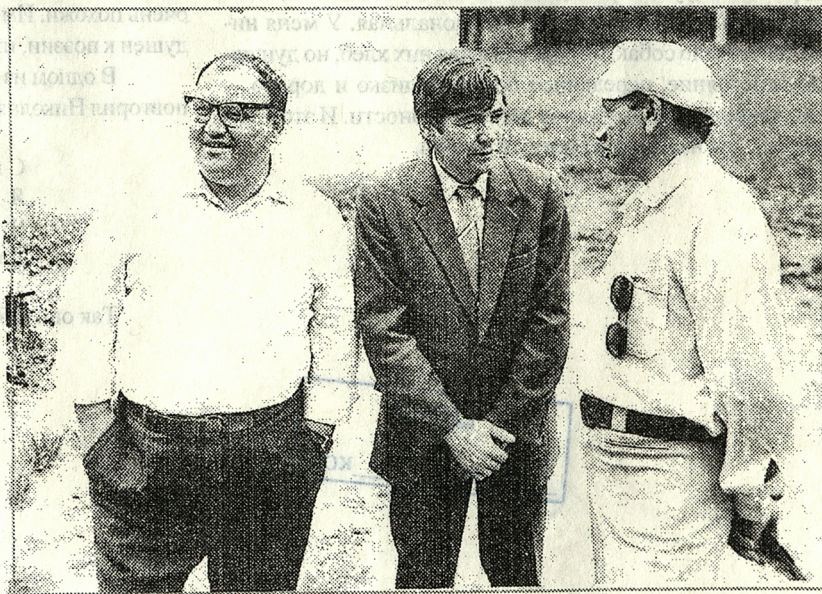
Вижу куст

С юным читателем. 2004 год

Автограф В. Алюшина

*В. Яганов, В. Алюшин, В. Калугин.
г. Свободный, 1986 г.*

Повален бурей.
Рядом я сажусь
И утешаю, словно человека.

Кстати, этим стихотворением я дебютировал в личной печати, оно было опубликовано в журнале «Москва» (№ 5 за 1971 год).

В 1973 году у Виктора вышел первый сборник «Зелёный зной». Всего тридцать две страницы, но почти на каждой рассыпаны искорки, бриллиантики поэзии. Я тогда написал рецензию, которая была опубликована в областной газете «Амурская правда» под названием «Краски родного края».

Прошли многие годы, но одно стихотворение из этой книжки до сих пор крепко сидит в моей памяти. Цитирую тот вариант, который запомнился, ибо Витя несколько раз его правил:

В мире всё идет по кругу
И свивается в спираль.
Снова осень на округу
Сверху бросила вуаль.

По ночам мы детством бредим.
И, проснувшись кое-как,
Мы у тёщи за обедом
Хлеб ворует для собак.

Не однажды я задумывался, чем меня привлекают эти строки, почему волнуют – и не находил однозначного ответа. Наверное, в них заключена вся наша жизнь, и не столько в тексте, сколько в подтексте – истинный айсберг поэзии, у которого видимая часть, словесная, много меньше, чем невидимая, эмоциональная. У меня никогда не было собак, не воровал я для них хлеб, но душевное состояние, переданное поэтом, близко и дорого, – так храню я воспоминания детства и юности. И это – навсегда, как навсегда во мне эти строки.

* * *

В 2000 году, к 60-летию, вышел последний сборник Виктора Алюшина «Туманы северного края». Мой приятель Александр Герасимов, будучи тогда председателем ГТРК «Амур», рассказывал, что книжку печатали на ризографе в телерадиокомпании.

Юбилей поэта в Благовещенске отметили скромно. К тому времени и стихи, и сами поэты уже были мало кому интересны и нужны. Мне рассказывали, что Витя после ухода с работы на, так сказать, заслуженный отдых стал ещё более нелюдим, нечасто появлялся на литературных мероприятиях, увлёкся грибной охотой, по части которой равных ему было немного. Как-то я прочитал его стихи в журнале «Дальний Восток» и несколько огорчился: почти все они были мне давно известны. В дни 70-летия Виктора я напечатал в «Литературной газете» сообщение о его юбилее – всё, что смог.

Осенью 2010 года я побывал в Благовещенске. Прошёлся по местам моей молодости, по Первомайскому парку, недалеко от которого дом, в котором жил Алюшин. Я помнил, что его квартира на первом этаже, а вот её номер и подъезд – нет. Подошёл к мужикам, кучкующимся у лавочки. Спросил: «Скажите, в какой квартире живёт Алюшин?» На что один ответил: «А, поэт... Так вон он, в магазин пошёл». Я посмотрел вперёд. Несколько пошатываясь, от меня удалялась фигура, в которой я с трудом узнал давнего товарища. Подумал: явно не вовремя я решил навеститься в гости, зайду завтра, лучше с утра. Но ни завтра, ни послезавтра не получилось... И уже никогда на этой земле наша встреча не произойдёт...

Да, в мире действительно всё идёт по кругу: судьбы русских поэтов, провинциальных особенно, зачастую очень похожи. Имена называть не стану. Тот, кто неравнодушен к поэзии, их знает.

В одном из стихотворений Виктор Алюшин почти повторил Николая Рубцова:

С неба стихия неслась,
Я любовался Россией,
Чувствуя с этой стихией
Давнюю кровную связь.

Так оно и было.

Цена
110 руб. 00 коп.